

Формы с «выбором» вспомогательного глагола (*auxiliary choice*) или с «расщепленным вспомогательным глаголом» (*split auxiliary*) – это формы, образующиеся от части смысловых глаголов при помощи одного вспомогательного глагола (или, в некоторых языках, частицы-форманта), а от части – при помощи другого. Данное явление хорошо известно, например, во французском и немецком языках, где есть «глаголы, спрягающиеся с ‘иметь’» (*avoir, haben*) и «глаголы, спрягающиеся с ‘быть’» (*être, sein*), но представлено и во многих других языках Европы (романских, германских, баскском), а кроме того, имеет определенные параллели и за ее пределами. В последние 30 лет феномен выбора вспомогательного глагола получил большую известность при осмыслении языковых фактов в рамках самых разных языковых теорий; существуют и конкурируют друг с другом немало синтаксических и семантических трактовок этого явления. Имеется значительная по объему специальная литература на эту тему. Большую роль в дискуссии вокруг выбора вспомогательного глагола сыграло то обстоятельство, что этот выбор происходит в различных языках (даже близкородственных) неодинаковым образом.

Рецензируемая книга – сборник статей под редакцией американского лингвиста Рауля Арановича, основанный на материалах проведенного в 2003 году в Калифорнийском университете в Дэвисе круглого стола. Составитель занимает, на наш взгляд, удачную и на редкость взвешенную позицию в дискуссии вокруг выбора вспомогательного глагола. В книге есть и обсуждение аппарата порождающей грамматики, и статья, посвященная анализу явления с точки зрения теории оптимальности, однако подход, заданный во вступительной и многих других статьях, ориентирован, прежде всего, на как можно более подробное описание выбора вспомогательного глагола в конкретных идиомах, учитывающее все множество релевантных критериев, будь то семантические или синтаксические. Теоретические трактовки утверждаются не как истина в последней инстанции, а в полемике с другими и на базе конкретного материала. Привлекается не только европейский материал, но и схожие, демонст-

рирующие типологическое сходство явления в китайском языке (использованный в другой статье корейский материал, к сожалению, с данной проблематикой не связан, см. ниже); а помимо изучения примеров из литературных языков используются данные диалектов и диахронической эволюции языка.

В открывающей сборник работе Р. Арановича «Расщепленный выбор вспомогательного глагола в типологической перспективе» содержится весьма содержательный обзор ранее предлагавшихся точек зрения на эту проблему. Ниже кратко представим их.

В 1978 году Д. Перлмуттер [Perlmutter 1978], тогда работавший в рамках так называемой «реляционной грамматики» (где, как и в грамматике Хомского, различается поверхностное и глубинное синтаксическое представление), предложил считать, что различие в выборе вспомогательных глаголов ‘иметь’ и ‘быть’ имеет глубинную синтаксическую природу. Согласно гипотезе Перлмуттера, непереходные полнозначные глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘быть’ (например, итальянское *cadere* ‘падать’ – *è caduto* или *morire* ‘умирать’ – *è morto*) на глубинном уровне не имеют субъекта (подлежащего), но только объект (дополнение). В частности, выбирается глагол ‘быть’ при спряжении возвратных глаголов (например, во французском *il s’est lavé* ‘он умылся’; субъект является одновременно и глубинным объектом). Разумеется, для того, чтобы такая гипотеза имела смысл, необходим ряд других независимых тестов, доказывающих, что эти предложения синтаксически устроены именно так; и действительно, ряд таких «диагностик» был предложен и самим Перлмуттером, и его последователями. Такие предикативные группы (клаузы), не имеющие субъекта, и их вершинные глаголы Перлмуттер назвал неаккузативными (*unaccusative*); прочие же непереходные глаголы относятся по его терминологии к неэргативным (*unergative*). Соответственно, данная гипотеза получила название «гипотезы неаккузативности» (*unaccusative hypothesis*, или UAH). «Неаккузативность» стала (и до сих пор остается) популярным термином (хотя разные авторы вкладывают в него замет-

но разное содержание), понятие развивалось в таких работах, как [Burzio 1986] (в рамках генеративной теории управления и связывания, посвящена итальянскому языку) и особенно [Levin, Rapoport Novav 1995].

Ныне о неаккузативности на русском языке имеются две работы-обзора – подробный раздел статьи [Аркадьев 2008] и небольшое, но содержательное «замечание» в книге [Плунгян, в печати], критичное по отношению к этому понятию. К этим работам мы и отсылаем читателя, излагая в дальнейшем лишь то, что связано с проблемой выбора вспомогательного глагола¹. Здесь же скажем, что наиболее обоснованная критика, с которой столкнулась гипотеза неаккузативности как таковая, – рассогласованность различных синтаксических диагностик². Фактически выделить пучок синтаксических критериев, дающих один и тот же результат на множестве всех глаголов одного языка (не говоря уже о том, чтобы нескольких), так и не удалось; кроме того, нередко один и тот же глагол ведет себя по-разному в зависимости от семантического контекста. Поэтому современные исследователи, использующие понятие «неаккузативности», апеллируют к тому или иному семантическому механизму, модифицирующему и/или определяющему действие механизма синтаксического; это заметно, впрочем, уже в работах Перлмуттера и особенно Левин и Раппапорт. «Нигилистическая» гипотеза, согласно которой «неаккузативная» синтаксическая структура носит совершенно произвольный характер и лишена семантической основы [Rosen 1984],

¹ Выбору вспомогательного глагола посвящена наша статья [Сичинава 2008], первоначальная версия которой была написана в 2005 г. К сожалению, к моменту выхода этой статьи из печати мы еще не имели возможности ознакомиться с рецензируемым сборником, и в частности, с работой К. Аарона Смита, где есть любопытные соображения по затронутой нами проблематике (см. ниже).

² Наиболее развернуто критика теории неаккузативности представлена в книге [Kuno, Takami 2004]. В рецензируемом сборнике эта книга ни разу не упоминается. Это отмечено и в другой известной нам рецензии на сборник под редакцией Арановича, автором которой является немецкий лингвист, известный, в частности, как кавказовед, Вольфганг Шульце (<http://www.cogling.org/Reviews/aranovich.shtml>). Конечно, это можно отчасти объяснить тем, что книга Куно и Таками основана на материале английского языка, в котором выбора вспомогательного глагола нет, но все же общие вопросы теории неаккузативности и другие ее диагностики разбираются в статьях сборника нередко.

сейчас уже не поддерживается (это отмечено и в обзоре П.М. Аркадьева), а факты, вызвавшие ее (разное поведение синонимичных глаголов в разных языках), теперь объясняются при помощи механизма семантических шкал (см. ниже).

Как реакция на гипотезу Перлмуттера в работах 1990-х годов развитие получила также тенденция поиска чисто семантических критериев выбора вспомогательного глагола. Так, Даути [Dowty 1991] предложил анализировать выбор не в синтаксических – «субъект» и «объект» – а в семантических – «агенс» и «пациенс» – терминах. Иными словами, глагол ‘падать’ не потому выбирает вспомогательный глагол ‘иметь’, что на глубинном уровне не имеет подлежащего, а потому, что единственный его актант семантически ближе к пациенсу, чем к агенсу. Даути же принадлежит идея о том, что у разных глаголов субъект может быть в разной степени ближе к «прототипическому агенсу» (когда выбирается глагол ‘иметь’) и к «прототипическому пациенсу» (когда предпочитается глагол ‘быть’).

К семантическому анализу не актантов, а предиката обращается целый ряд других исследователей, включая Либера и Баайена [Lieber, Baayen 1997] на материале нидерландского языка. С их точки зрения, ключевым признаком, определяющим выбор глагола *zijn* ‘быть’, является выводимость позиции или состояния (inferable eventual position or state), например, этот признак имеется у таких глаголов, как *komen* ‘приходить’ и *groeien* ‘расти’. Чрезвычайно важно, что эти семантические параметры не задаются просто глагольной лексемой как таковой (как часто предполагается в «немодифицированных» синтаксических версиях гипотезы неаккузативности). Роль играет наличие в предложении обстоятельств, придающих предикату ту или иную семантическую интерпретацию. Например, было показано, что в том же нидерландском языке глагол ‘бежать’ (*Hij heeft gelopen* ‘он побегал’) сам по себе выбирает глагол ‘иметь’, но с соответствующим наречием становится глаголом предсказуемо направленного действия (предельным глаголом) и сочетается со вспомогательным ‘быть’ (*Hij is naar huis gelopen* ‘он побегал домой’) [Zaenen 1993].

Наиболее интересная область при анализе выбора вспомогательных глаголов – это разное поведение синонимичных глаголов в разных языках. При этом обнаруживается ряд явлений, труднообъяснимых в рамках представлений о некоем общем синтаксическом механизме, не модифицируемом семантикой и особенностями конкретных языков. Так, возвратные глаголы в немецком языке не выбирают глагола ‘быть’, несмотря на явно пассивный смысл: *Dieser Wagen hat sich gut verkauft* букв. ‘Эта машина хоро-

шо продалась', а в датском и том же немецком глагол 'быть' выбирают некоторые переходные глаголы, что гипотезе Перлмуттера не отвечает вообще (неаккузативные глаголы, по крайней мере, в первоначальной версии данной терминологии – подкласс непереходных). Но, как ни парадоксально, сравнение подобных систем ставит трудные вопросы и перед сторонником семантического, а не синтаксического подхода к выбору вспомогательных глаголов. Ведь только немногие семантические классы предикатов ведут себя во всех европейских языках одинаково – это глаголы деятельности (например, 'работать'), при которых всегда используется вспомогательный глагол 'иметь', и глаголы направленного изменения местонахождения (например, 'приходить'), всегда требующие глагола 'быть'. Что касается остальных семантических классов, то, даже если взять четыре крупнейших литературных европейских языка с таким разграничением, обнаруживается следующее неоднозначное распределение:

	Итальянский	Немецкий
Направленное изменение положения	БЫТЬ	БЫТЬ
Направленное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ
Неопределенное изменение положения	ИМЕТЬ/ БЫТЬ	БЫТЬ
Неопределенное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ
Продолжение состояния	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Существование и появление	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Деятельность	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ

	Нидерландский	Французский
Направленное изменение положения	БЫТЬ	БЫТЬ
Направленное изменение состояния	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Неопределенное изменение положения	ИМЕТЬ/БЫТЬ	ИМЕТЬ

Неопределенное изменение состояния	ИМЕТЬ/БЫТЬ	ИМЕТЬ
Продолжение состояния	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Существование и появление	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Деятельность	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ

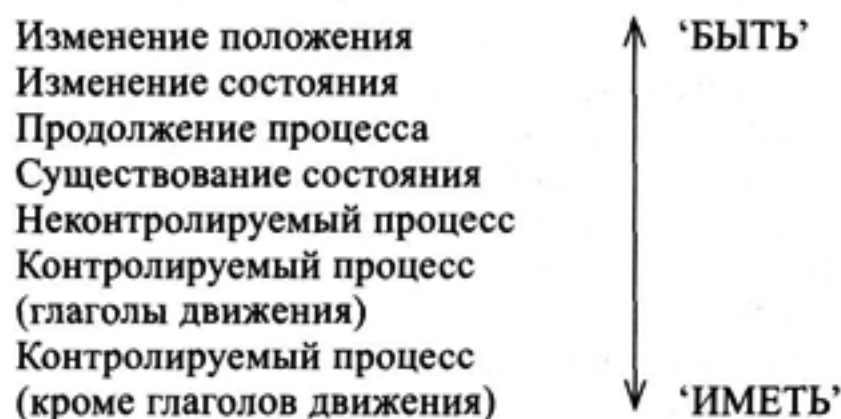
Помимо того, что в разных языках выбор делается по-разному, можно также заметить, что в ряде языков феномен выбора вспомогательного глагола представлен вообще шире, чем в других. Так, в литературном итальянском языке, на материале которого Перлмуттер и Бурцио прежде всего и строили свои синтаксические гипотезы, круг глаголов, допускающих вспомогательное 'быть', очень широк, в то время как в современном французском языке имеется всего 21 такой непроемлемый глагол [Abeillé, Godard 2002].

Надо отметить, что подобный сравнительный анализ поставил в тупик многих исследователей, выступавших за синтаксическую гипотезу неаккузативности. Так, мы уже упоминали, что предполагалось считать границы между неаккузативными и прочими глаголами в каждом языке совершенно произвольными и никак не связанными с семантикой [Rosen 1984]. Выдвигалась и прямо противоположная точка зрения, согласно которой языковое явление с такой пестрой картиной в разных языках вообще не связано с универсальной неаккузативностью, по крайней мере, в таком языке со «скупым» выбором вспомогательного глагола, как французский [Legendre 1989].

С нашей точки зрения, весьма эффективен обобщающий семантический подход, в последнее десятилетие активно реализуемый А. Сора-че и ее сотрудниками, хотя, вероятно, он и нуждается в некоторой корректировке и развитии. Представить данную информацию можно при помощи так называемой семантической иерархии, а именно, выстроив семантические классы в такой последовательности, чтобы через любую ее точку могла проходить «граница» между преимущественным выбором 'иметь' и 'быть'. Иными словами, если некоторый семантический класс глаголов в некотором языке допускает выбор глагола 'быть', то его должны допускать в этом языке и все семантические классы, находящиеся между данным классом и соответствующим глаголу 'быть' краем шкалы. На краях шкалы должны, таким образом, находиться уже названные классы,

которые выбирают, соответственно, 'быть' и 'иметь' во всех языках.

В обобщающей работе по выбору вспомогательного глагола в европейских языках [Sorace 2000: 863] предложена следующая семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола в языках Европы:

В основу данной иерархии положены различные критерии, собственно семантические (глаголы движения, контролируемость) и аспектуальные (процесс, состояние).

В целом статья Арановича удачно освещает нынешнее состояние проблемы и проницательно указывает на сильные и слабые места различных предлагавшихся подходов. Отметим неточность на с. 13, где как будто бы утверждается, что во французском языке глагол *être* 'быть' спрягается с самим этим глаголом в качестве вспомогательного; в литературном языке это не так (*j'ai été*, ср. обсуждение этого вопроса в статье Ж. Лежандр из рецензируемого сборника, с. 174); как говорит добрая старая «Грамматика Пор-Рояля», форму *je suis été* якобы употребляют лишь «валлоны, говорящие на плохом французском».

К. Арнетт рассматривает «Параметры переходности и выбор вспомогательного глагола у изучающих немецкий язык как иностранный». Оказывается, что в ходе изучения немецкого языка учащиеся по-разному усваивают распределение вспомогательных глаголов *haben* и *sein* в зависимости от того, какой аспектуальный параметр (которые автор относит к «transitivity parameters» по Хопперу и Томпсон) играет роль у тех или иных глаголов; распределение у предельных глаголов выучивается позже, чем у пунктивных. Эксперимент состоял в описании картинок с использованием Perfekt. При этом сами учащиеся таким аспектологическим аппаратом не владеют и дают совсем другие, крайне разнообразные объяснения мотивации выбора (в основном связанные с понятием глаголов движения). Нам представляется, что эксперимент можно было бы дополнить заполнением анкет с разнообразными глаголами, что дало бы более дифференцированные результаты и позволило бы использовать при их анализе больше параметров (даже не выходя за рамки используемых теоретических предпосылок).

Совместная статья румынской исследовательницы Л. Аврам и В. Хилл из Канады посвящена проблемам вспомогательных 'быть' и 'иметь' в румынском; работа в значительной степени опирается на генеративистский аппарат. Известно, что дако-романские говоры демонстрируют большую вариативность в выборе этих показателей, причем часто они связаны с распределением по грамматическим времени и наклонения, а не по семантике глагола: так, в аналитическом плюсквамперфекте и в предбудущем, представленных в говорах, употребляется вспомогательный глагол 'быть', а в перфекте – 'иметь' [Marin 1985]. В литературном румынском, как показано в статье, неизменяемый показатель *fi* 'быть' выступает в значении ирреального наклонения (по структуре напоминающего³ славянское условное наклонение на *бы-*, где вспомогательный глагол в ряде языков разных ветвей, в том числе и в русском, превратился в модальную частицу), а кроме того, некоторые «неаккузативные» глаголы допускают в качестве варианта перфекта остаточную пассивообразную конструкцию с 'быть' и согласованием причастия, что напоминает английское *he is gone, the sun is set* и подобное. Авторы показывают на основании различной сочетаемости и синтаксических тестов, что мы имеем дело с двумя разными грамматикализациями *fi*, что, на наш взгляд, очевидно уже из морфологических различий и вряд ли нуждается в таком подробном доказательстве. Обсуждаются также возможные синтаксические структуры конструкций и интерпретация согласования в них, в духе последних хомскианских моделей. К сожалению, авторы не указывают, какие именно румынские глаголы допускают перфектную конструкцию с 'быть' и не анализируют семантики этих конструкций (не идет ли здесь речь о результате, а не о перфекте, как в некоторых других балканских языках, например, македонском?).

Статья М. Ченнамо и А. Сораче «Выбор вспомогательного глагола и расщепленная непереходность в падуанском диалекте: вариативность и лексико-аспектуальные ограничения» наглядно показывает, что для изучения нашей проблематики не очень осмысленно говорить, например, об «итальянском языке» вообще, как это делалось, например, во многих работах 1970–1980-х годов. Многочисленные итальянские диалекты, например, демонстрируют столь же разные модели разграничения между *essere* и *avere*, что и различные литературные языки; кроме того, во многих диалектах разграничения

³ Характерно, что *fi*, в отличие от *am* – энклитика, с которой не может начинаться предложение (как и русское *бы*).

нет, поскольку формы этих глаголов смешиваются фонетически [Tuttle 1986]. В результате проведенного авторами исключительно тщательного исследования выяснилось, что распространение 'быть' как вспомогательного глагола в падуанском диалекте устроено совершенно иначе по сравнению с литературным языком, но при этом соблюдается семантическая иерархия. Кроме того, в падуанском диалекте не наблюдается соответствия между выбором вспомогательного глагола и другими предполагаемыми синтаксическими характеристиками неаккузативности. В обширной и содержащей много ценных примеров статье есть несколько технических погрешностей, например, на с. 75 «мальчики» из подстрочной нотации превращаются в «я» в переводе; на с. 79 и в ряде других мест заметна непоследовательность в используемой авторами падуанской орфографии – например, [k] пишется то как *c*, то как *k*.

Статья Б. Дринки «Развитие перфекта с ИМЕТЬ: взаимовлияние греческого и латинского языков», к сожалению, представляет интерес только как образец парадоксальности мышления и эрудиции, но для лингвистики вряд ли что дает. Она мало соответствует теме сборника: проблема выбора между конструкциями с 'иметь' и 'быть' не обсуждается. На тему истории европейского перфекта профессор Дринка, как указано на ее домашней странице в Интернете (<http://colfa.utsa.edu/English/drinka.html>), готовит целую книгу (*Language contact in Europe: The perfect tense through history* // Cambridge University press); подождем ее, но представленные аргументы нас пока никак не убеждают. О концепции американской исследовательницы критически уже говорилось [Abraham 2004]; говоря коротко, она основывается на моногенезе перфекта с глаголом 'иметь' – такой перфект якобы возник только в греческом языке, а все остальные конструкции этого типа в Европе суть результат заимствования. Аналитический перфект, по Дринке, фактически повторяет путь европейской цивилизации: у греков его взяли, вместе со многим другим, «грубые победители» римляне, у тех его скопировали после крещения германские варвары (даром что еще тысячу с лишним лет не имевшие своей Библии), а утрата этой формой значения перфекта распространилась по всей Европе от северных, самых столичных и престижных, французов. Типологический опыт, однако, подсказывает, что перестройка грамматических категорий чрезвычайно редко происходит таким элитарным путем, а повторяемость ситуации вообще ставит всю конструкцию за пределы вероятного. В принципе, калькирование латинского перфекта в германские в свое время считал возможным Ж. Вандриес, но по-

сле работ Э. Бенвениста или Ю.С. Маслова по истории глагольных систем в Европе подобная культурная эстафета представляет собой явный научный анахронизм. Тот же В. Абрахам в своей работе хорошо показал, что развитие аналитического прошедшего носит заведомо независимый характер в трех германских языках, разделенных территориально (немецкий, восточные диалекты языка идиш и африкаанс). В данной статье, посвященной взаимовлиянию латыни и греческого, аргументы автора чисто умозрительны; при этом имен Вандриеса или Бенвениста в списке литературы нет, нет и ответа на критику Абрахама. На с. 102 утверждается, что латынь не могла построить перифрастический перфект «сама», потому что в ней, в отличие от греческого, отсутствовала «отдельная [от аориста] категория перфекта». Разве не тривиален тот факт, что глагольная категория может «вырасти» в системе на чистом месте, что глагольные системы могут качественно меняться, а не только обновлять материал в одних и тех же клетках? Далее говорится, что «греческий был первым языком Европы, где ИМЕТЬ стало вспомогательным глаголом»; много ли мы вообще знаем о других языках Европы того времени, в том числе соседях латинского, и особенно об их аналитических формах? Далее внезапно автор уже не решается настаивать на «внешнем объяснении» (с. 108), ссылаясь на определение кальки как «увеличения частоты структуры, уже существующей в языке» (отсюда как будто бы выходит, что повышенная частота *habere* в «эллинизированном» языке Витрувия или Цицерона ничего не говорит об истоках этой конструкции в народной латыни или романских языках); тем охотнее здесь мы с ней согласны.

Статья В. Ли-Шёнфельд «Агентивность vs. выбор вспомогательного глагола» носит полемический характер и в значительной части представляет собой обсуждение двух работ о другом критерии неаккузативности – прономинальном связывании в конструкциях типа *Accusativus cum infinitivo* с *lassen* (и некоторыми другими глаголами) в немецком языке. Автор, признающий понятие неаккузативности (которая, с ее точки зрения, непосредственно семантически обусловлена агентивностью глагола) и используя синтаксические критерии, при этом решительно утверждает, что выбор вспомогательного глагола не имеет к неаккузативности отношения. Это уже отмечалось на материале немецкого языка (отметим интересную работу [Diedrichsen 2002], не упомянутую в статье, где предлагается оригинальная семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола).

Ж. Лежандр в своей статье «Оптимизация выбора вспомогательного глагола в романских

языках», одной из самых оригинальных и интересных в сборнике, предлагает построение иерархии принципов выбора вспомогательного глагола на основе теории оптимальности (недавно в ВЯ этой теории был посвящен содержательный обзор П.В. Иосада, № 4, 2008). Результаты Лежандр (под пером которой писатель Амброз Бирс почему-то превратился в Пирса, с. 149) представляют большой интерес с внетеоретической точки зрения как уточнение линейной семантической иерархии, предложенной А. Сораче (см. выше). С точки зрения Лежандр, поверхностные различия между французским и немецким или нидерландским или немецким языком объясняются переранжированием (re-ranking) тех или иных ограничений. Построенная ей модель проходит впоследствии проверку на материале германских и романских языков, а кроме того, рассматриваются диахронические сдвиги в иерархии правил (на примере испанского языка начиная с XIV в.). Лежандр полагает, что соответствующие ограничения сами по себе носят чисто семантический характер (включая даже выбор вспомогательного глагола для пассива с 'быть' в контекстах вроде франц. *ont été reconstruits* / итал. *sono stati ricostruiti*), но совместимы с синтаксическими тестами неаккузативности (так, она склоняется к точке зрения, согласно которой выбор вспомогательного глагола является показателем неаккузативности в итальянском, но не во французском). Отметим в ее работе указание на уникальный материал сардинского нуорского диалекта (с. 177), где по-разному ведут себя одинаково маркируемые *s'*- прямой и косвенный рефлексив (к сожалению, в приводимом примере на косвенный объект анализ ситуации затрудняется тем, что семантически это не рефлексив, а реципрок – 'писать письма друг другу').

Статья Лю Фэнси из Аризоны о выборе вспомогательного показателя в китайском языке касается распределения двух показателей *-le* и *-zhe* не в перфекте, а в специфической локативной конструкции с инверсией, которая скорее передает результативное значение (на английский или русский язык она переводится страдательным залогом). Оказывается, что их распределение достаточно близко соответствует иерархии Сораче, а ключевыми параметрами при этом оказываются предельность и динамичность ситуации. Характерно, что часто выбор показателя зависит от семантики актантов, например, с глаголами положения возможны оба показателя при одушевленном актанте, но лишь *-zhe* при неодушевленном (с. 190). Лю подробно сопоставляет, разбирая работы предшественников, синтаксический (в русле теории неаккузативности) и семан-

тический подходы к распределению этих показателей и высказывается в пользу второго, опираясь, в частности, на то, что китайские глаголы с пониженной валентностью («детранзитивированные»), точно так же, как и непереходные, демонстрируют семантический выбор показателей, а не ведут себя единообразно в соответствии со своим синтаксическим статусом. С ее точки зрения, нет убедительных аргументов в пользу того, что синтаксическая неаккузативность в китайском вообще существует.

Работа Дж. Рэндалл «Параметризованный выбор вспомогательного глагола» (в подготовке исследования участвовали также Х. Баайен и другие специалисты института психолингвистики в Неймегене) представляет собой «ответ» сторонников теории неаккузативности на критику со стороны сторонников семантического подхода. Автор одним из немногих в сборнике поддерживает тезис о том, что выбор вспомогательного глагола имеет отношение к неаккузативности / неэргативности, хотя и признает все сложности, на которые этот тезис наталкивается. Критикуя поход Сораче, автор строит собственный синтактико-семантический интерфейс – «параметризованные связи» (parameterized linking). Независимо от того, принимать или нет теоретические построения Рэндалл, некоторые ее критические замечания к иерархии Сораче кажутся важными и обоснованными – в частности, одномерность этой иерархии при наличии в ней нескольких параметров (с. 217); примерно эту же проблему пытается решить система правил, построенная Ж. Лежандр в соответствии с теорией оптимальности (см. выше).

Статья Ли Сонха «Выбор частиц при образовании вспомогательного показателя в корейском языке» представляет собой очень хороший очерк грамматикализации ряда корейских видо-временных форм, который, к нашему глубокому сожалению, в данном сборнике просто не на месте (ни противопоставления глаголов «иметь» и «быть», ни дополнительного распределения показателей в зависимости от свойств предиката в корейском языке нет). Речь идет о четырех показателях – результате, прошедшем времени (редупликация претерита представляет собой плюсквамперфект), прогрессиве (приобретающем значение имперфектива) и будущем времени. Все они, что нечасто в истории грамматикализации, представляют собой потомков одного и того же полнозначного глагола – *iss-* 'существовать' в сочетании с различными «частицами», две из которых носят консекutive семантику, а третья означает образ действия (результатив *-eiss-* и претерит *-ess-* имеют одинаковую этимологию).

Именно взаимодействие семантики частиц и причины возникновения тех или иных путей грамматикализации и обсуждается в работе; в частности, грамматикализация консекутивных частиц стала возможной благодаря развитию в корейском языке сериализованных глагольных конструкций. В статье активно привлечен диахронический материал, используются работы Дж. Байби, Э. Даля, П. Хоппера, Б. Хайне, С. Деланси и других типологов и специалистов по грамматикализации. Недоумение вызывает, особенно в устах типолога, тезис, согласно которому отсутствие в корейском языке до современного периода плюсквамперфекта с удвоением показателя претерита – *-ess-ess-* – следует считать свидетельством того, что корейский плюсквамперфект возник под пером переводчиков с иностранных языков, заполнявших «функциональную лауну» (с. 247). Крайние формы этого «диффузионизма», согласно которому грамматика с легкостью заимствуется со стороны культурным путем, а не в условиях массового двуязычия, мы уже критиковали, говоря о статье Б. Дринки. Напомним, что корейский плюсквамперфект – редчайший образец иконичного удвоения показателя прошедшего времени – имеет типологические параллели не в тех «иностранных языках», с которых что-то переводилось на корейский (там плюсквамперфект образуется из вспомогательного глагола в прошедшем времени и причастия), а в таких языках, как адыгейский или дьола в Сенегале. Что же касается позднего появления плюсквамперфекта в корейском языке, то достаточно указать на то, что и сам показатель прошедшего, послуживший основой для редупликации, появился, как отмечает сам исследователь, не прежде XVII века [ibid.].

К.А. Смит в работе «Использование языка и выбор вспомогательного глагола в перфекте» затрагивает чрезвычайно интересную для рецензента проблематику. Давно и хорошо известно, что с диахронической точки зрения языки «дрейфуют» по шкале выбора вспомогательного глагола. В частности, современные языки, где такого выбора нет, и представлен только глагол ‘иметь’ (английский, испанский, шведский), в прошлом использовали также и глагол ‘быть’, употребительность которого сужалась в соответствии со шкалой Сораچه, пока не была пройдена конечная ее точка. Относительно староиспанского языка это хорошо показано в работе [Arapovich 2003] (диахронический испанский материал разбирается также в работе Ж. Лежандр), о корреляции формы с семантикой в английском см. [Lipson 1999]. Этот процесс вызывает, в частности, интерес и в связи с тем, каковы причины изменений, приводящих язык к утрате выбора вспомога-

тельного глагола, и наоборот, почему ряд языков Европы решил этот выбор сохранить.

В нашей работе [Сичинава 2008] (как уже сказано, статья написана в 2005 г., но до ее выхода мы не имели возможности ознакомиться с рецензируемым сборником) выдвинута гипотеза, согласно которой сохранение двух различных форм перфекта (не обязательно с выбором вспомогательного глагола, но такой класс случаев самый большой) типологически обусловлено семантической утратой перфектной специфики. Так, и во французском, и в немецком, и в северных диалектах итальянского, и в нидерландском, и в датском перфект утрачивает значение достигнутого состояния или актуального результата и начинает употребляться в нарративе, как форма простого прошедшего. Напротив, в случае сохранения перфектом своей специфики происходит унификация формы – ровно это и случилось в языках севера и юга Европы (испанский, центр и юг Италии, английский, скандинавские, кроме датского; в исландском имело место особое развитие с появлением экспериенциального значения). В нашей работе мы предложили объяснение данного факта, связанное с семантической неустойчивостью перфекта и с потребностью его в формальном закреплении (в духе статьи [Lindstedt 2000]). Данный вывод в нашей статье подкреплен параллелями за пределами европейского ареала – в семитских, древних и новых индоевропейских, старояпонском языке.

В работе Смита та же проблематика ставится на материале контрастивного анализа английского и немецкого языков. К. Смит предполагает, что закрепление выбора вспомогательного глагола связано с тем, что аналитический перфект, приобретая функции общего прошедшего времени, становится более частотным в речи, тем самым более редкая конструкция с глаголом ‘быть’ конкурирует не с двумя временными формами (одна из которых – похожая на нее с глаголом ‘иметь’, а другая – непохожее общее прошедшее), а только с одной. Нам представляется, что это объяснение дополняет наше, и что оба этих фактора поддерживают друг друга. Вместе с тем отметим, что в системах с сохраняющимся перфектным значением формальное упрощение сопровождается системным усложнением и выработкой нового результата (как это происходит в некоторых скандинавских или иберо-романских идиомах), так что проблема исторического перераспределения вспомогательных глаголов еще ждет решения в общем виде.

Подводя итоги, отметим, что для любого исследователя отношений между синтаксисом и семантикой, лингвиста, занимающегося семан-

тической классификацией предикатов, типолога, изучающего аналитические конструкции, романиста или германиста, интересующегося историей и диалектным распределением глагольных форм – вероятно, этот список далеко не полон – книга представляет собой важное и содержательное чтение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2008 – П.М. Аркадьев. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ // ВЯ. 2008. № 2.
- Плунгян, в печати – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., (в печати).
- Сичинава 2008 – Д.В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: Одна неизученная закономерность // Динамические модели: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
- Abeillé, Godard 2002 – A. Abeillé, D. Godard. The syntactic structure of French auxiliaries // *Language*. 78. 3. 2002.
- Abraham 2004 – W. Abraham. The european emergence of the periphrastic perfect: An autonomous, parsing-driven development // Теоретические проблемы языкознания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак-та СПбГУ. СПб., 2004.
- Aranovich 2003 – R. Aranovich. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // *Studies in language*. 27. 2003.
- Burzio 1986 – L. Burzio. Italian syntax: A government-binding approach. Dordrecht, 1986.
- Diedrichsen 2002 – E. Diedrichsen. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven *haben*- und *sein*-Verben im Deutschen // G. Katz, S. Reinhard, Ph. Reuter (eds.). Sinn und Bedeutung VI, Proceedings of the Sixth annual meeting of the Gesellschaft für Semantik. University of Osnabrück, 2002.
- Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 67. 1991.
- Kuno, Takami 2004 – S. Kuno, K. Takami. Functional constraints in grammar. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Legendre 1989 – G. Legendre. Unaccusativity in French // *Lingua*. 79. 1989.
- Levin, Rappaport-Hovav 1995 – B. Levin, M. Rappaport-Hovav. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Lieber, Baayen 1997 – R. Lieber, H. Baayen. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // *Natural language and linguistic theory*. 15. 1997.
- Lindstedt 2000 – J. Lindstedt. The perfect – aspectual, temporal and evidential // *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York, 2000.
- Lipson 1999 – M. Lipson. Co-variation of form and meaning in the loss of auxiliary selection in English // R. Eckardt, K. von Stechow (eds.). Meaning change – meaning variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999. V. I.
- Marin 1985 – M. Marin. Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains // *Revue roumaine de la linguistique*. 30. 1985.
- Perlmutter 1978 – D. Perlmutter. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the fourth annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1978.
- Rosen 1984 – C. Rosen. The interface between semantic roles and initial grammatical relations // D. Perlmutter, C. Rosen (eds.). *Studies in relational grammar*. 2. Chicago, 1984.
- Sorace 2000 – A. Sorace. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // *Language*. 76. 2000.
- Tuttle 1986 – E.F. Tuttle. The spread of *esse* as universal auxiliary in Central Italo-Romance // *Medioevo Romano*. 11. 1986.
- Zaenen 1993 – A. Zaenen. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // J. Pustejovsky (ed.). *Semantics and the lexicon*. Dordrecht, 1993.